

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА В ПРОЦЕССЕ РЕФЛЕКСИИ

В. К. Солондаев

*Ярославский государственный университет им.
П.Г. Демидова, кандидат психологических наук*

Постановка проблемы дестабилизации рефлексующего субъекта определяется диагнозом бессубъектности отечественного развития. Одним из основных симптомов бессубъектности является блокировка рефлексии¹. Возникает искушение рекомендовать для лечения болезни бессубъектности рефлексивную терапию, если не как патогенетическую, то хотя бы как симптоматическую. Однако в медицине давно выработано понятие порочного круга — взаимосвязи патологических изменений, когда нарушения, возникающие вследствие первичных изменений, в свою очередь, их усугубляют. В порочном круге не действует линейная логика: причина — болезнь — устранение причины — излечение. В этой связи правомерно задаться вопросом о возможном наличии противопоказаний и побочных эффектов рефлексивной терапии бессубъектности.

Принцип детерминизма требует объяснения очевидного факта — рефлексия нуждается в создании определенных условий. Следовательно, рефлексия может иметь и негативные последствия, иначе рефлексивная самоорганизация субъектов российского развития давно произошла бы спонтанно. Продолжая медицинскую аналогию, необходимо подчеркнуть, что наличие противопоказаний и побочных эффектов является свидетельством действенности лекарства, а их исследование не опровергает, а увеличивает возможности использования лекарства в лечебных целях.

Проблематика рефлексии и субъекта сохраняет актуальность в течение тысячелетий. Многозначность соответствующих понятий общеизвестна. Поэтому с нашей стороны было бы самонадеянностью

¹ *Лепский В. Е.* Проблемы субъектов российского развития // Рефлексивные процессы и управление. No 2, том 6, 2006. С. 5–20.

рассчитывать на нечто большее, чем первичную постановку проблемы и аргументацию возможности ее решения.

Описывая негативные эффекты рефлексии, мы не сможем опираться на эмпирическую базу, прямо относящуюся к поставленной проблеме. По этическим причинам экспериментальные исследования по схеме критического эксперимента для нас неприемлемы. В медицине сложности такого рода преодолеваются использованием экспериментальных планов *ex-post-facto*. По аналогии, мы будем интерпретировать имеющиеся эмпирические данные в контексте поставленной проблемы.

Во-первых, А.В. Карповым¹ зафиксировано существование оптимума *рефлексивности* как устойчивого свойства субъекта. Автором описана зависимость типа «плоского оптимума», которая характеризуется тем, что при увеличении рефлексивности возрастает и интегрированность, и дифференцированность системы метапроцессов. Но при высоких и очень высоких значениях рефлексии явно доминирует ее дифференцирующая функция. Для нас важно, что Карпов противопоставляет интегрированность и дифференцированность, поскольку в исследовании В.Е. Орла², посвященном вопросам психического выгорания, как противоположность интегрированности описывается уже не дифференцированность, а дезинтегрированность структуры психических процессов, возрастающая при повышении уровня выгорания. Одновременно с дезинтеграцией, как указывает Орел, происходит функциональная деформация когнитивной сферы личности, этот процесс характеризуется гетерохронностью и имеет нелинейную динамику. У людей с различной степенью выраженности выгорания процессы, прямо связанные с рефлексией, по-разному включены в общую структуру психики, что подтверждает возможность негативных последствий рефлексии.

Во-вторых, рефлексия как процесс требует рассмотрения на уровне субъекта как человека на высшем (индивидуально для каждого) уровне деятельности, общения, целостности, автономности, который развивается всю жизнь, причем на каждом качественно новом этапе его развития видоизменяется вся основная система психических процессов и свойств³. Исследования А.Л. Журавлева⁴ обосновывают возможность рассмотрения групп людей как целостного (группового) субъекта,

¹ Карпов А.В. Психология сознания: Метасистемный подход. М.: РАО, 2011. - 1088 с.

² Орел В.Е. Синдром психического выгорания личности - М.: ИП РАН, 2005 - 329 с.

³ Брушлинский А.В. Психология субъекта - М.: ИП РАН; Спб.: Алетейя, 2003 г. - 272 с.

⁴ Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности.— М.: ИП РАН, 2005.— 640 с.

характеризующегося закономерной динамикой возникновения и развития. В.В. Селиванов¹ описывает сложную динамику взаимосвязи мышления и личности в онтогенезе. Эти работы, несомненно, требующие гораздо более развернутого анализа, чем позволяют рамки статьи, указывают на то, что рефлексия, оказывает разное влияние в зависимости от этапа и уровня развития рефлексизирующего субъекта. Это находит независимое подтверждение в исследованиях И.Н. Семенова и С.Ю. Степанова², посвященных изменению ценностно-смысловых образований рефлексизирующего субъекта.

В дефектологии традиционно анализируется развитие субъекта, находящегося на нижней границе условного континуума субъектности. У такого субъекта дестабилизирующий эффект рефлексии эмпирически не выделяется, напротив, позитивным оказывается любое продвижение, любая попытка рефлексии, которая, к сожалению, чаще всего остается на очень невысоком уровне, что описано Е.Л. Гончарова, О.И. Кукушкиной, Т.К. Королевской³. Как и в дефектологии, в психиатрии мы находим эмпирические подтверждения позитивного эффекта рефлексии⁴, но это отнюдь не рефлексия субъекта высокого уровня развития.

Для нас важно, что развитие предполагает не только динамику, но и стабильность. Этот момент акцентируется Ж. Пиаже⁵ на примере динамического равновесия ассимиляции и аккомодации, равновесие которых обеспечивает адаптивное функционирование субъекта в изменяющемся мире. Исходная форма рефлексии по Пиаже - осознание своих действий в материальном плане, кооперация как объективно ведущаяся дискуссия. Собственно рефлексивная мысль (стадия формальных операций) суть рефлексия третьего уровня, где происходит осознание логических операций, произведенных над собственными действиями. Ниже мы рассмотрим устойчивость границ субъекта на примере этого уровня рефлексии.

Наконец третье направление исследований, содержащих интересующие нас данные, мы находим в психоанализе. Здесь особый

¹ Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта - Смоленск: Универсум, 2003 - 311 с.

² Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвитии личности // Вопросы психологии, 1983, №2 С.35 – 46.

³ Гончарова Е.Л., Кукушкина О.И., Королевская Т.К. «Календарь» – специализированная компьютерная коррекционно-диагностическая среда для дошкольников и младших школьников // Дефектология. – 1997. - № 4. с. 48-55.

⁴ Иржевская В.П., Рупчев Г.Е., Морозова М.А., Тхостов А.Ш. Предметно-исторический анализ категории «осознание психической болезни» (инсайт) в психиатрии // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2008. — Том 108, № 4. — С. 4-11.

⁵ Пиаже Ж. Психология интеллекта - М.: Питер, 2003 - 191 с.

интерес для нас представляют идея границ субъекта, разрабатываемая А.Ш. Тхостовым и сотрудниками¹, и глубокая эмпирическая разработка динамики развития субъекта, предлагаемая психоаналитическими исследованиями. «Нормальный» субъект рассматривает другого человека именно как другого «субъекта», который отличен по природе, равен по различным качествам и дополнителен при взаимообмене, считает Ж. Бержере², следовательно, субъект в психоаналитическом понимании также способен к рефлексии, как субъект в понимании С.Л. Рубинштейна³ и его последователей. Но в своих технических аспектах психоанализ является одной из наиболее детальных и эмпирически обоснованных интерпретаций *процесса* рефлексии. Экономический и динамический аспекты метапсихологии психоанализа строятся на интерпретации эмпирических данных о возможных вариантах развития именно процесса рефлексии. Конечно в психоанализе речь идет о рефлексии пациента в ходе лечения, но акцентированное отсутствие структурных границ между нормой и патологией психики, позволяет вывести психоаналитическую рефлексю за границы клиники, хотя бы это была и не психиатрическая клиника, а лишь клиника неврозов.

В дальнейшем при анализе рефлексии как процесса для характеристики рефлексирующего субъекта нам понадобится понятие идентичности, или переживания «я». Идентичность для психоаналитиков связана с экономическими феноменами: равновесие нарциссических и эротических загрузок, гармоничная игра достаточно смешанных влечений. Широко известные благодаря психоанализу феномены психологической защиты в целом направлены именно на восстановление идентичности, пусть даже парциальной или нереальной при глубоком психическом расстройстве. Отмечается⁴, что на самом деле существует не одна, а множество идентификаций, которые восходят к более или менее сложной идентичности Я и личности. Эта идентичность создается динамически, она не является окончательно заданным и устойчивым психическим феноменом. Именно поэтому рефлексия в ходе анализа так сложна. Для того чтобы поддерживать собственную идентичность, субъект (пациент) использует болезненные симптомы, преодоление которых требует новой идентичности. Переход к новой идентичности возможен лишь в том случае, если субъект

¹ Журавлев И.В., Тхостов А.Ш. Субъективность как граница: топологическая и генетическая модели // Психологический журнал. — 2003. — № 3. — С. 5-12.

² Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника — М: МГУ, 2001.— 400 с.

³ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. — М.: АН СССР, 1957. — 328 с.

⁴ Бержере Ж. Указ. соч

располагает некоторым запасом психических ресурсов, что обсуждается в экономическом аспекте метапсихологии психоанализа.

Формализованная теория рефлексии, разрабатываемая В.А. Лефевром¹, в целом вполне конкордантна психоаналитическому подходу. Так Ж. Бержере² пишет: «...Одна часть внешней реальности, переживаемая как позитивная и внушающая доверие, правильно воспринимается Я, но другая часть реальности, рассматриваемая как стесняющая, фрустрирующая, беспокоящая или опасная, оказывается либо деформированной в смысле большей безопасности, либо в большей или меньшей степени игнорированной». По существу речь идет о несовпадении представлений двух субъектов — пациента и аналитика, оказывающего воздействие на сознание и бессознательное пациента. Аналогичные феномены формализуются в теории Лефевра, описывающей ситуацию, в которой у разных субъектов, составляющих одну группу, могут быть различия в восприятии состава группы и отношений между членами группы. Также в рефлексивной алгебре вводится и формализуется ситуация, в которой осознаваемые и неосознаваемые воздействия другого субъекта приводит к угрозе идентичности. Такие воздействия неизбежно вызывают фрустрацию у субъекта, на которого оказывается воздействие³. Интересен сам факт использования Лефевром понятия подсознания (бессознательного или неосознаваемого), хотя он намеренно отказывается от обсуждения вопроса, как происходит процесс самоотождествления.

Но теория Лефевра конкордантна не только психоанализу. Аналогично дифференциации переживания и знания, вводимой С.Л. Рубинштейном⁴, Лефевр вводит формальное различие понятий «знает» и «осознает». Отношение «осознает» складывается из двух последовательных отношений «знает», а сущность осознания состоит в том, что предшествующее состояние субъекта начинает играть роль модели себя в новом состоянии⁵.

Анализ литературных данных в целом подтверждает возможность сопоставления весьма разноплановых интерпретаций рефлексии и указывает на возможность существования побочных эффектов рефлексивной терапии бессубъектности. Но процессуальный механизм дестабилизации субъекта в процессе рефлексии явным образом не описывался. Ввиду обозначенных выше этических ограничений возможности эмпирического исследования подобного рода явлений нам

¹ Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр.— М.: «Когито-Центр», 2009.— 218 с.

² Бержере Ж. Указ. соч. С. 244.

³ Лефевр В.А. Указ. соч. С. 65-66.

⁴ Рубинштейн С.Л. Указ. соч. С. 267.

⁵ Лефевр В.А. Указ. соч. С. 205-206.

потребуется формальная модель рефлексивного субъекта, схематически изображенная на рисунке 1. Здесь необходимо сделать несколько пояснений.

Во-первых, используемая далее модель в целом соответствует модели Лефевра, во всяком случае никоим образом не противоречит базовой аксиоматике теории рефлексивных игр.

Во-вторых, в сложной диалектике процессуальных и результативных аспектов рефлексии теория Лефевра, на наш взгляд, акцентирует именно результативные аспекты, а предлагаемая нами модель направлена на понимание именно процессуальных аспектов, связанных с процессом самоотождествления.

Поэтому, в-третьих, предлагаемая модель не должна рассматриваться как дополнение или критика теории рефлексивных игр, в отличие, например, от проблемы событийной транскрипции и производных от нее форм рефлексии, рассматриваемых В.А. Петровским¹. Данная модель вводится «ad hoc» для понимания процессуальных аспектов дестабилизации рефлексивного субъекта.

Рассмотрим рефлексивную, по Ж. Пиаже соответствующую минимальному для рефлексии в собственном значении понятия - третьему уровню, который возникает в результате кооперации в ходе предметной деятельности рефлексивного субъекта S_1 . Пусть наш субъект, в соответствии с моделями В. А. Лефевра, имеет образ ситуации S'_1 , и образ себя, имеющего образ ситуации S''_1 . Введем в модель наблюдающего процесс рефлексии субъекта S_n . Для упрощения модели исключим из рассмотрения предметные («реальные») взаимоотношения субъектов, включенных в предметную деятельность, и исключим из рассмотрения рефлексивную этих отношений.

Далее покажем, что рефлексия создает угрозу идентичности рефлексивного субъекта, приводя к его существенной дестабилизации, независимо от наличия когнитивных ресурсов для обработки информации при рефлексии высокого порядка.

Введем сравнительные отношения объема, обозначаемые традиционно используемыми символами больше и меньше. Правомерно допущение о том, что рефлексивный субъект S_1 , реально существующий и реально включенный в предметную деятельность, реально обладает большим объемом психических явлений (осознаваемых и неосознаваемых), чем образ ситуации, сложившийся у субъекта. Это следует, например, из положения о несводимости психики к сознанию. Как указывает С. Л. Рубинштейн²:

¹ Петровский В.А. Опыт событийной транскрипции рефлексии // Рефлексивные процессы и управление. № 1, том 1, 2001. С. 61–70.

² Рубинштейн С. Л. Указ. соч. С. 267.

«Возникновение сознания связано с выделением из жизни и непосредственного переживания рефлексии на окружающий мир и на самого себя. Сознание — это всегда знание о чем-то, что вне его. Оно предполагает отношение субъекта к объективной реальности». В образ ситуации S'_1 , тем более в образ себя, обладающего образом ситуации S''_1 , входит меньшее психическое содержание, чем в целостного субъекта. Следовательно, справедливо двойное неравенство $S_1 > S'_1 > S''_1$. Но это неравенство всегда справедливо лишь с точки зрения наблюдателя, что будет показано ниже.

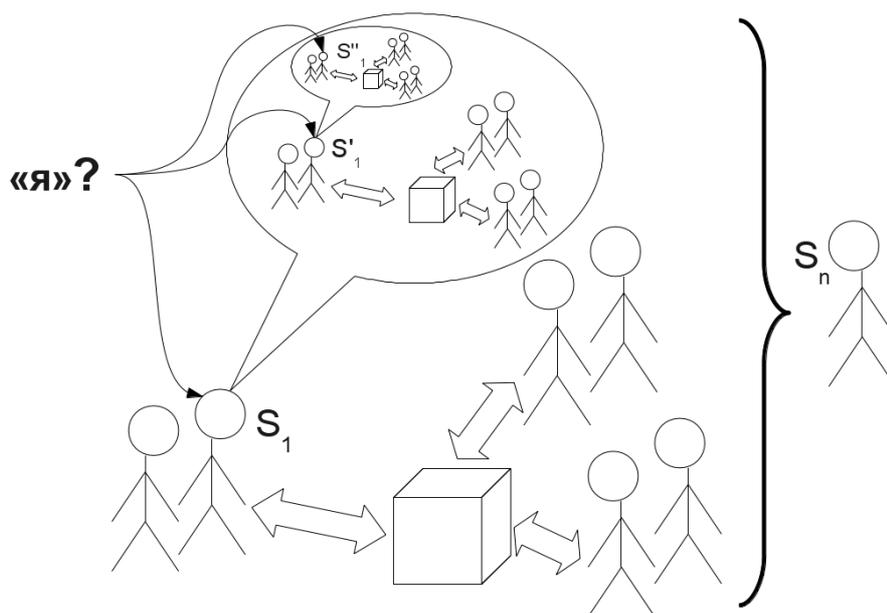

Рис.1. Идентичность субъекта, наблюдающего процесс рефлексии и нарушение идентичности рефлексирующего субъекта

Далее нам потребуется различие позиций двух субъектов — наблюдающего S_n и собственно рефлексирующего S_1 . Дифференциация позволит нам понять процессуальную динамику дестабилизации рефлексирующего субъекта. Различие рефлексирующего субъекта и наблюдателя не противоречит теории рефлексивных игр, однако нам не удалось найти прямое обсуждение этого вопроса. Различие рефлексирующего и наблюдающего субъектов становится существенным когда мы вводим в схему идентичность субъекта (далее обозначается «я») или самоотождествление в терминологии Лефевра. Отношение идентичности субъекта будет обозначаться знаком равенства.

Для внешнего наблюдателя «я» = S_n и справедливо следующее: $S_1 = S_1$; $S'_1 = S'_1$; $S''_1 = S''_1$. Следовательно, внешний наблюдатель может

описывать рефлексующего субъекта на всех уровнях рефлексии с наперед заданной точностью. Именно такой подход убедительно демонстрирует свою эффективность в теории рефлексивных игр. Высокая точность описания ограничена результативным аспектом рефлексии.

Для самого рефлексующего субъекта с введением идентичности все становится гораздо сложнее. Здесь для целей нашего анализа несущественно, в каком порядке субъект идентифицирует «я» с разными уровнями собственной рефлексии. Без идентичности субъекта рефлексия неосуществима как психический процесс. Следовательно, «я» рефлексующего субъекта должно в некоторой степени идентифицироваться с содержанием всех уровней рефлексии. Тогда мы получаем побочный эффект рефлексии - нарушение идентичности. Покажем это на предлагаемой модели.

Рассмотрим предлагаемую модель процесса рефлексии с учетом того, что идентичность субъекта смещает отношения объема, поскольку очевидно, что «я» субъекта всегда больше того, что субъект о себе знает и осознает. Получаем следующие неравенства.

Из идентификации «я» = S_1 следует отношение $S_1 > S'_1 > S''_1$. Из идентификации «я» = S'_1 следует $S'_1 > S_1$ и $S'_1 > S''_1$, но соотношение S'_1 и S''_1 не определено. Из идентификации «я» = S''_1 следует $S''_1 > S'_1 > S_1$.

Из того, что рефлексия имеет место, мы уже знаем, что субъект в определенной мере идентифицируется одновременно с тем, что он есть (1 уровень), что он знает (2 уровень), что он осознает (3 уровень). Это следует, в том числе, из формализации отношений «знает» и «осознает» в теории рефлексивных игр, которое обсуждалось выше. При «я» = S_n этот момент не влияет на психическое содержание, которое переживается, известно и осознаваемо другим субъектом. Но для рефлексующего субъекта идентичность имеет совершенно другое значение. Само существование рефлексии означает, что одновременно выполняются три идентификации: «я» = S_1 ; «я» = S'_1 , «я» = S''_1 . В общем случае последовательность идентификаций субъекта, гипотетически, может иметь большое значение, но пока мы не будем рассматривать этот момент.

Из того, что «я» = S_1 ; «я» = S'_1 , «я» = S''_1 следует необходимость рассмотреть как систему следующие четыре неравенства: $S_1 > S'_1$; $S'_1 > S_1$; $S'_1 > S''_1$; $S''_1 > S'_1$.

При попытке решения системы неравенств, мы приходим к тому, что $S_1 \neq S_1$; $S'_1 \neq S'_1$; $S''_1 \neq S''_1$. Это эквивалентно утверждениям: «рефлексия нарушает границы субъекта», или «рефлексия нарушает идентичность рефлексующего субъекта».

Рефлексия как процесс находится на определенном уровне психики, но по результатам, как отмечает А.В. Карпов, рефлексия также означает выход за этот уровень¹. В нашей модели это формализуется следующим образом: $S_1 = S_x$; $S'_1 = S_x$; $S''_1 = S_x$. Иными словами, в процессе рефлексии не только происходит нарушение идентичности, но может (всего лишь может) возникнуть новая идентичность субъекта, которую мы обозначаем S_x .

Рассмотрим возможные интерпретации результатов, полученных с использованием формальной модели процесса рефлексии. Предлагаемая модель позволяет продемонстрировать основания, по которым психоанализ, проводимый без участия аналитика (внешнего наблюдателя) представляет значительную угрозу психическому состоянию субъекта. Яркое художественное описание нарушения идентичности и дестабилизации психики в ходе самоанализа дано М.М. Зощенко² на автобиографическом материале.

Предложенная схема также позволяет объяснить успешную работу В.Е. Лепского³ по философской подготовке аспирантов на основе проектно-игрового подхода. Наше объяснение является дополнительным по отношению к экономическому аспекта метапсихологии психоанализа, согласно которой каждый психический процесс рассматривается в отношении трех координат: динамической, топологической и экономической⁴. Возникновение нового *продуктивного* психического содержания (в предлагаемой модели идентичность S_x) может стать наиболее существенным результатом рефлексии. Не случайно исследователи отмечают косвенный психотерапевтический эффект рефлексии⁵. В психоанализе подобные явления обозначаются как терапевтический инсайт. Уместно вспомнить, что еще З. Фрейд⁶ прямо указывал: задача аналитика вовсе не заключается в том, чтобы соизмерять анализ и синтез, при «хорошем» анализе синтез происходит автоматически и неизбежно.

Однако предлагаемая модель показывает, что появление нового *продуктивного* психического содержания, в отличие от нарушения идентичности, не является обязательным результатом рефлексии. Нарушение идентичности рефлексирующего субъекта приводит к

¹ Карпов А.В. Указ. соч. С. 493.

² Зощенко М. М. Перед восходом солнца - Москва: Время, 2008 - 782 с.

³ Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

⁴ Бержере Ж. Указ. соч. С. 68.

⁵ Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивно-психологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М.: РАГС, 1998. - 250 с.

⁶ Freud S. Wege der psychoanalytischen Therapie // Psychoanalyse: Ausgewählte Schriften — Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun. - S. 110.

необходимости построения новой идентичности S_x , однако это может быть и патологически нарушенная идентичность. S_x отнюдь не предопределена, что соответствует данным о безуспешных (по собственным оценкам авторов) опытах применения рефлексивных технологий развития и данным о разнообразных затруднениях, возникающих в ходе рефлексии¹, в том числе невербальной². Аспирантам, описываемым В.Е. Лепским, в силу не слишком высокой эмоциональной загруженности рефлекслируемого содержания хватило психических ресурсов для преодоления продуктивного нарушения идентичности и построения новой, более продуктивной в интересующем их отношении идентичности. А у старших школьников, судя по результатам, описанным авторским коллективом под руководством Ю.В. Громько³, не оказалось в распоряжении необходимого ресурса, что предопределило неудачу содержательно интересных и адекватных для внешнего наблюдателя программ развития рефлексии.

Субъект может восстановить свою идентичность, просто прервав рефлекссию. Тогда S_n (наблюдатель или психоаналитик) может спокойно констатировать, что нового психического содержания не появилось, терапевтического инсайта не произошло. Это никоим образом не помешает осуществить в ходе рефлексивного управления точно рассчитанное воздействие на субъекта.

Наиболее существенный риск использования рефлексивных технологий заключается в том, что предметное содержание рефлексии чаще всего проектируется и анализируется с позиции внешнего наблюдателя. Но адекватность модели, существующей у внешнего наблюдателя ограничена устойчивостью идентичности и креативностью рефлекслирующего субъекта. Возможно, в этом отношении окажется существенной и последовательность идентификаций субъекта. Важную роль играют также ограничения, заданные сложностью предметного содержания рефлексии. Поэтому при стечении неблагоприятных обстоятельств мы можем вполне закономерно, но крайне неожиданно для себя получить патологические феномены вместо саморазвития. Для нарушения своих границ и последующей повторной их демаркации (сборка субъекта в терминах

¹ Лосев А. В. Формирование рефлексивности социально-профессионального мышления менеджеров быстроразвивающихся организаций: дис. ... канд. психол. наук — М., 1997 - 189 с.

² Кузнецов С. В. Формирование рефлексивных приемов саморегуляции практического мышления кадров государственной службы: дис. ... канд. психол. наук — М., 1995 - 230 с.

³ Разработка нового содержания образования и развитие интеллектуальных способностей старших школьников. Формирование научности XXI века в образовании. Пособие для учителя. — М.: Пушкинский институт, 2001. — 332 с.

В.Е. Лепского¹), *самому субъекту* необходимо располагать достаточным запасом психических ресурсов. При отсутствии такого запаса у субъекта «не хватает сил» и рефлексия приводит к внезапному ухудшению исходного психологического состояния. Не случайно психические расстройства интерпретируются в психоанализе как нарушение границ субъекта, а процесс рефлексии происходит в предсказуемой и безопасной обстановке терапевтического сеттинга.

Однако субъект рефлексии мыслится нами не только и не столько как клиент любого рода терапии, сколько как субъект саморазвития, субъект решения проблем, в особенности комплексных проблем² или проблем в больших системах³. Возможно, у субъекта есть некоторые психические ресурсы для рефлексии, но нет уверенности, что имеющихся в данный момент ресурсов достаточно для успешного решения актуальных проблем. Например субъект может не найти «быстрого» решения сложной проблемы, а в процессе «медленного» решения ресурсы истощатся до достижения результата. Существуют ли для рефлексии комплексных проблем иные варианты действий, кроме «достойного проигрыша»?

На наш взгляд, наиболее перспективным направлением поиска ответа на этот вопрос является предварительное создание своего рода «ресурса идентичности» или «запаса идентичности» для рефлексизирующего субъекта, позволяющего субъекту поддерживать процесс рефлексии до нахождения решения проблемы. Психоаналитические исследования структурно-типологического направления⁴ содержат достаточные основания для оптимистичной оценки возможности создания устойчивой идентичности и создании условий продуктивной рефлексии, направленной на решение сложных проблем.

В контексте темы статьи особо подчеркнем, что предлагаемая модель позволяет предположить существование специфического риска, который лишь частично выводим из имеющихся данных — риска

¹ Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И. Аршинова, В.Е. Лепского. — М.: Издательство Института философии РАН, 2010. — 271 с.

² Дернер Д. Логика неудачи — М.: Смысл, 1997. — 243 с. ; Корнилов Ю.К. Психология практического мышления. Монография. — Ярославль: ДИА – Пресс, 2000. — 212 с. ; Практический интеллект / Р. Дж. Стернберг, Дж. Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.

³ Завалишина Д.Н. Психологический анализ оперативного мышления. — М.: Наука, 1985. — 222 с. ; Пушкин В.Н. Построение ситуативных концептов в структуре мыслительной деятельности // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. — М.: Педагогика, 1978. — С. 106-120.

⁴ Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. — М.: Класс, 2001. — 480 с.

разрушения идентичности рефлексизирующего субъекта *внутри* каждого уровня рефлексии. Сами уровни в процессе рефлексии тоже разрушаются. Оценка объяснительного потенциала данной закономерности, выведенной теоретически, требует дополнительного изучения эмпирических материалов и выходит за рамки данной работы.

Возвращаясь к медицинской метафоре, заданной в начале статьи, можно сказать, что проведенный анализ возможных побочных эффектов рефлексивной терапии болезни бессубъектности позволяет считать рефлексию весьма действенным лекарством, которое имеет ряд побочных эффектов.

Во-первых, рефлексия как процесс существенно отличается с точки зрения внешнего наблюдателя и с точки зрения рефлексизирующего субъекта.

Во-вторых, процесс рефлексии существенно нарушает идентичность (целостность) рефлексизирующего субъекта, а в отношении результата имеет место неустраняемая неопределенность. В результате рефлексии может возникнуть как более продуктивная, так и менее продуктивная идентичность.

В-третьих, эффективность воздействия внешнего наблюдателя в основном определяется точностью оценки результативных аспектов рефлексии. Эффективность внешнего воздействия не зависит от продуктивности рефлексии в плане развития самого рефлексизирующего субъекта.

В-четвертых, продуктивности рефлексии в плане саморазвития субъекта парадоксально способствует исходно высокая степень нарушения идентичности субъекта. Патологическому субъекту «нечего терять и нечего бояться — хуже не будет».

В-пятых, продуктивности рефлексии в плане саморазвития субъекта парадоксально препятствует исходно высокая стабильность идентичности субъекта. Стабильно устойчивому субъекту необходимы весьма сильные основания, чтобы самому дестабилизировать свое состояние при неопределенности конечного результата процесса рефлексии.